

На правах рукописи

Медвидь Мария Васильевна

ИДЕЯ ДОМА В ТВОРЧЕСТВЕ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА

Специальность 10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Нижний Новгород – 2007

Работа выполнена на кафедре русской литературы XX века ГОУ ВПО «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Зайцева Галина Сергеевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кихней Любовь Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент
Кудасова Валентина Васильевна

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Воронежский государственный университет»

Защита состоится 28 мая 2007 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета Д.212.166.02 в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского (603000, г. Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37, ауд. 312).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23).

Автореферат разослан «27» апреля 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Рацибурская Л.В.

В современном отечественном литературоведении все чаще появляются исследования, посвященные осмыслению в художественной литературе феномена дома. В русской литературе дом всегда был традиционным, ключевым, знаковым явлением. Дом – это пространство бытия человека, бытия физического и духовного. С домом напрямую связана идея «обживания» пространства, приобщения его к человеку, его согревания, «одомашнивания», когда окружающий человека предметный мир «переносится как бы в антропоцентрическую сферу, выступая воплощением его идей, притязаний, целей».¹

Являясь для человека сосредоточением жизни во всех ее проявлениях, дом приобретает особое значение в начале XX века, в эпоху войн и революций, когда возрастает его социальная значимость. Утрата человеком социальной идентификации, дома, страны, возможности быть сопричастным ее жизни во многом будут определять направление художественной мысли XX века. Осип Мандельштам в статье «Конец романа» (1922) указывает на «падение акций» отдельной личности в эпоху «могучих социальных движений, массовых организованных действий».² Больше не существует отдельной человеческой судьбы, отдельной биографии, способной организовать художественное целое. За катастрофической гибелью биографии как «формы личного существования» встает гибель самой личности. Мир отдельного человека, все, что втянуто в орбиту его жизни, - все это разметалось «центробежной силой времени» («Египетская марка», 1928).³

Комплекс утраченного дома, потерянного рая, прочно ассоциирующегося с Россией и ее судьбой, в существенной мере определил смысловое поле литературы XX века. А.Ахматова, М.Цветаева, М.Волошин, С.Есенин, И.Бунин, А.Ремизов, И.Шмелев, М.Пришвин, М.Булгаков, А.Платонов, М.Шолохов, А.Солженицын, Ю.Трифонов, В.Распутин, Ф.Абрамов и многие другие поэты и писатели, поднимавшие в своем творчестве тему дома, говорили о тоске по

¹ Филимонова О.Ф. Жизненное пространство человека (Аксиологический аспект) / Под ред. В.Б. Устьянцева. – Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра, 1998, С. 7.

² Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в четырех томах / Под. ред. Г.П.Струве и Б.А. Филиппова. – М.: TERRA, 1991 – Т. 2. – С. 268.

³ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в четырех томах. – Т. 2. – С. 5.

утраченному, о ностальгии, вспоминали о навсегда потерянном надежном и ладном быте и т.п. Этих авторов, при всей разности их судеб и эстетических установок, объединяло общее для всех «домашнее» мировосприятие, для них образ дома стал одним из основополагающих в творчестве и жизненном пути.¹

В связи с подобным вниманием к феномену дома особый интерес для исследования представляет жизнь и творчество поэта-философа, прозаика, публициста и литературного критика начала XX века Осипа Манделштама. Его постоянное, на протяжении всего творчества, обращение к осмыслению феномена дома побуждает говорить об идее Дома в его творчестве, об идее как о целостном представлении, «отражающем обобщение опыта и выражающем отношение к действительности»,² и как о «воплощении философического взгляда на мир в его целостности, которое сопряжено с духовным самораскрытием автора».³ Дом в творчестве Манделштама из категории пространственной, материальной превращается «в категорию энергетическую, в некую субстанцию человеческого сознания, и эта категория - вечная».⁴ Являясь своеобразным смысловым узлом художественного мира Манделштама, идея Дома нашла свое отражение во всем его творчестве. Ее можно назвать одной из тех доминант, которая определяла направление философско-эстетической мысли и организовывала жизнь поэта, вела его по дорогам судьбы.

Осипа Манделштама причисляют к одному из самых изучаемых авторов русской литературы первых десятилетий XX века. Интерес к его творчеству, притягательность его поэзии можно считать основанными на том неоспоримом факте, что, говоря словами Анны Ахматовой, «у Манделштама нет учителя», а его жизнь и творчество представляются «огромным и ни с чем не сравнимым событием».⁵ Манделштам стал явлением в русской и мировой литературе. Поэтому автору диссертационного исследования представляется важным

¹ См.: Карсалова Е.В. Русский Дом: жизнь и судьба – Сквозь годы испытаний // Литература в школе, 2004, №9, С. 32-39; Радомская Т.И. Феномен Дома в зрелой поэзии Пушкина // Русская словесность, 2006, №7, С. 14-15.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997, С. 236.

³ Хализев В.Е. Теория литературы. Учеб. 2-е изд. – М.: Высш. школа, 2000, С. 57.

⁴ Максимова Е. Символика «Дома» - «Антидома» // Аврора, 1994, № 9-10, С. 73.

⁵ Ахматова А.А. Листки из дневника (О Манделштаме) // Ахматова А.А. Сочинения в двух томах. Том II. – М.: Правда, 1990, С. 171-172.

обращение к контексту творчества Осипа Мандельштама без привлечения подтекстов. При этом под контекстом мы будем понимать всю совокупность мандельштамовских текстов, «все написанное автором в полном объеме».¹ Контекст как «переключка с другим местом того же автора» и подтекст как «переключка с другим автором»² - основные понятия интертекстуального анализа. Этот подход в последние десятилетия стал ведущим при изучении творчества Мандельштама. Однако эта тенденция рассмотрения творчества исследуемого автора в сравнении с творчеством поэтов XIX века, предшественников-символистов, современников-акмеистов, на наш взгляд, оставляет много пробелов в изучении самого мандельштамовского наследия.

Вопрос о его «творчестве как целом до сих пор осознается открытым», а решение этого вопроса усложняется тем фактом, что «у Мандельштама нет даже относительно изолированных текстов, а связи отдельного стихотворения с целым парадоксальны, обширны и требуют работы на значительном смысловом пространстве».³ Отсюда следует, что «исключительная цепкость», «высокая степень связности» мандельштамовских мыслей, образов, метафор открываются лишь при внимательном обращении, по определению С.С. Аверинцева, к «"большому контексту" для каждого слова» его творчества.⁴

Актуальность исследования связана, прежде всего, с необходимостью целостного рассмотрения творчества Осипа Мандельштама с точки зрения его единства на идейном, смысловом, образном уровнях. Важно воспринимать творческий контекст Мандельштама как вполне самостоятельную и оригинальную художественную систему, тождественную самой себе.

Кроме того, в связи с возросшим интересом гуманитарных отраслей науки (литературоведения, философии, социологии, психологии) к проблеме утраты современным обществом и отдельной личностью гуманистических идей, потери или подмены ценностных ориентиров, очевидной представляется необходимость

¹ См.: Аверинцев С.С. Немного личного // Аверинцев С.С. Поэты. – М.: Школа «Языки русской классики», 1996, С.7.

² Гаспаров М.Л. Предисловие // Ронен О. Поэтика Осипа Мандельштама. – СПб.: Гиперион, 2002, С. 5.

³ Мусатов В.В. Лирика О. Мандельштама. - Киев: Ника-Центр; Эльга-Н, 2000, С.8.

⁴ Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Аверинцев С.С. Поэты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996, С. 273.

исследования возникновения и развития в творчестве Осипа Мандельштама идеи Дома. Эта идея, явившаяся духовной доминантой, организовала и во многом подчинила себе мандельштамовскую поэтику. Изучение творческого наследия этого автора без учета этой основополагающей идеи, на наш взгляд, не будет полным.

Степень разработанности проблемы

Творчество Осипа Мандельштама с 60-х годов XX столетия стало одним из самых изучаемых явлений русской литературы. Оно привлекало и привлекает к себе постоянное внимание исследователей как отечественных, так и зарубежных. В цели и задачи данного диссертационного исследования не входит обзор всех работ, так или иначе посвященных творчеству автора, появившихся за этот достаточно большой период. Этот список огромен. Мы ограничимся обращением к тем работам исследователей творчества Мандельштама, в которых каким-либо образом затрагивалась интересующая нас тема.

Прежде всего, нужно указать на статью Ю.И. Левина «Разбор двух стихотворений Мандельштама» (1972), в которой впервые говорится об «амбивалентном сочетании спокойного домашнего уюта и чувства неприкаянности, неблагополучия».¹ Автор обозначает перспективность изучения «темы дома» (по формулировке самого Ю.И. Левина) в творчестве Мандельштама.

В статье Е.Завадской «В необузданной жажде пространства» (1991) отмечается, что «бездомность поэта – это не только факт биографии, сложившихся обстоятельств, но и особое мироощущение, утверждающее путь, движение, странничество как истинную форму бытия поэта».²

Статья Н.Ивановой «Квартирный вопрос» (1995) посвящена сравнению жилищно-бытовой устроенности, вернее, неустроенности О.Мандельштама и Б.Пастернака. Автор статьи справедливо указывает на вынужденную, отнюдь не желаемую бездомность и неприкаянность Мандельштама, отмечает его

¹ Левин Ю.И. Разбор двух стихотворений Мандельштама // Russian Literature, 1972, II. – Amsterdam North-Holland, P. 46.

² Завадская Е.В. «В необузданной жажде пространства» (Поэтика странствий в творчестве О.Э.Мандельштама) // Вопросы философии, 1991, № 11, С. 26.

устремленность к домашности. Важным является и обращение к образу трамвая в творчестве Мандельштама, «тревожному временному убежищу, странному, движущемуся подобию дома».¹

Е. Глазова-Корриган в монографии «Поэтика Мандельштама: вызов постмодернизму» (2000), пишет об оригинальности Мандельштама, сопоставляющего «исполнительную силу поэзии с понятием дома, родной интонации в знакомом окружении». Е. Глазова-Корриган говорит о мандельштамовском переживании искусства, «равносильном встрече с близким и любимым существом».²

Принципиально близкие автору диссертации выводы содержатся в монографиях Л.Г. Кихней «Осип Мандельштам: Бытие слова» (2000) и «Акмеизм: Миропонимание и поэтика» (2001), где проводится мысль о «пафосе сопротивления хаотическому началу мира», воплощенному в «магистральном мотиве *одомашнивания* мира», и об общем представлении о творчестве как способе «*одомашнить чужое*»³, что позволило определить творчество самого Мандельштама как «сотворение домашнего образа Вселенной».⁴

Отдельно следует отметить труды С.С. Аверинцева, С.Г. Шиндина, Н.Л. Лейдермана, В.В. Мусатова, С.М. Марголиной, М.Глазовой, А.А.Кретиной и т.д.

Объектом исследования является весь контекст творчества Осипа Мандельштама: его стихотворные и прозаические тексты, публицистика, эпистолярное наследие.

Предмет исследования – художественные образы, являющиеся воплощением идеи Дома в творчестве Осипа Мандельштама.

Целью исследования является подробное изучение и пообразный анализ наследия Осипа Мандельштама с точки зрения выявления и осмысления тех художественных образов, которые стали в его творчестве воплощением идеи Дома. Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

¹ Иванова Н. Квартирный вопрос // Знамя, 1995, №10, С. 210.

² Glazov-Corrigan Elena. Mandel'shtam's Poetics: A Challenge to Postmodernism. - University of Toronto PRESS, Toronto Buffalo London – Printed in Canada, 2000, P. 156-157, 46.

³ Кихней Л.Г. Акмеизм: Миропонимание и поэтика. – М.: МАКС Пресс, 2001, С. 29, 51.

⁴ Кихней Л.Г. Осип Мандельштам: Бытие слова. – М.: Диалог-МГУ, 2000, С. 97.

1. Обосновать правомерность употребления в диссертационной работе термина «идея» в соответствии с избранной темой.
2. Показать сложность и противоречивость отношения Мандельштама ко всему комплексу явлений, относящихся к феномену дома, постоянные «притяжения» и «отталкивания».
3. Проследить за возникновением, развитием и функционированием в творческом наследии Мандельштама художественных образов, являющихся воплощением идеи Дома.
4. Выявить семантические отношения этих ключевых образов, показать их «синонимичность», взаимозаменяемость или же, наоборот, «антонимичность», смысловое расхождение.
5. Рассмотреть творчество Осипа Мандельштама как единую систему, пронизанную сетью межтекстовых связей, обосновать значимость идеи Дома для формирования художественного мира автора.

Методологическая основа диссертации

Выбор метода исследования обусловлен сложностью объекта изучения, а также характером поставленных задач. В основе каждого художественного явления лежит свой закон, что требует индивидуального, специфического к нему подхода. В случае Мандельштама, по справедливому высказыванию Н.Л. Лейдермана, уже само массовое обращение к творчеству этого автора, начиная с 60-х годов, «стало стимулом для совершенствования литературной науки и в то же время испытанием ее исследовательского арсенала».¹ Мысль Мандельштама, построенная диалогически, внутренняя диалектичность его творчества, суждения, не претендующие на окончательность, бесконечная противоречивость – все это делает бессмысленным поиск универсальных подходов.

Автор диссертационного исследования опирается на ставшие классикой труды исследователей творчества Мандельштама, в частности на работы С.С. Аверинцева и Ю.И. Левина, обосновавших целесообразность и правомерность сугубо индивидуального подхода к творчеству Осипа Мандельштама. С.С.

¹ Лейдерман Н.Л. Феномен Осипа Мандельштама // Лейдерман Н.Л. Русская литературная классика XX века: Монографические очерки. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996, С. 97.

Аверинцев сформулировал «установку на портретность»¹ при изучении творчества поэтов, а также на практике показал возможность использования мандельштамовских терминов-метафор. Предложенный С.С. Аверинцевым и Ю.И. Левиным методологический подход в полной мере отвечает нашим представлениям и поставленным в диссертационном исследовании задачам. Отнестись к Мандельштаму «академически», то есть безразлично, «не удастся»², его творчество, его жизнь – это «призыв к единству жизни и культуры», к такому глубокому и серьезному отношению к культуре, «до которого наш век, видимо, еще не в состоянии подняться».³

Кроме того, автор диссертационной работы использует в качестве методологической основы данной работы исследовательский метод Елены Глазовой-Корриган, автора монографии «Поэтика Мандельштама: вызов постмодернизму», сформулированный как «хронологический подход к исследованию изменения и развития ключевых образов, тем и идей, начиная от самых ранних теоретических работ и первых метафорических выражений прозы Мандельштама...».⁴ Этот метод был применен в монографии непосредственно к теоретическим открытиям Мандельштама. Автор диссертационного исследования использует данный метод с целью детального и последовательного исследования возникновения и развития ключевых образов творчества Мандельштама, ставших воплощением идеи Дома. Подобный подход к теоретическим выкладкам, обозначенный Е. Глазовой-Корриган как новаторский, применительно ко всему творчеству может быть определен как традиционный историко-литературный. Мандельштамовские образы рассматриваются в диссертации в их смысловом единстве, что обеспечивается системным подходом к исследуемому предмету.

Научная новизна работы

Творчество Мандельштама ранее не рассматривалось с точки зрения воплощения и развития в нем идеи Дома. Более того, особенности его биографии

¹ См.: Аверинцев С.С. Немного личного // Аверинцев С.С. Поэты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996, С. 7-16.

² Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама, С. 189.

³ Левин Ю.И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. – М.: «Языки русской культуры», 1998, С. 140.

⁴ Glazov-Corrigan Elena. Mandel'shtam's Poetics: A Challenge to Postmodernism. - University of Toronto PRESS, Toronto Buffalo London – Printed in Canada, 2000, P. 14-15.

сами по себе уже словно отрицали такую возможность и целесообразность. Отношение Мандельштама к феномену дома характеризовалось, что называется, «от обратного» - его просто не было, как не было и дома в жизни писателя. Если в литературе и заходила об этом речь, то, прежде всего, это касалось бытовой неустроенности поэта, его бесприютности, скитальчества и т.д.

Новизна работы заключается, прежде всего, в рассмотрении всего контекста наследия Осипа Мандельштама в его единстве, включая переписку. Это позволяет целостно изучить творчество Мандельштама с точки зрения функционирования и развития в нем идеи Дома. В диссертации затрагиваются малоисследованные аспекты творчества Осипа Мандельштама (в частности, диссертант обращается к прозе поэта, еще недостаточно изученной).

Автор выявляет систему сквозных образов, которые являются для Мандельштама ключевыми (особое значение имеет третья глава диссертации, в которой выделяются конкретные художественные образы, воплощающие у Мандельштама идею Дома). При этом такие образы, как «люди-дома», *птичий дом (скворечники и голубятни)* вводятся в научный оборот впервые.

Диссертант также указывает на несомненную близость и устанавливает семантическую связь мандельштамовских образов *трамваев и птичьих домов*.

Новое звучание в диссертации получают уже обращавшие на себя внимание исследователей образы *шубы, избы, дыма, порога*.

В работе предложена новая точка зрения на автобиографическую прозу Осипа Мандельштама «Шум времени»: диссертант предлагает рассматривать это произведение как своеобразную галерею «людей-домов».

Положения, выносимые на защиту, обусловлены научной новизной работы и сводятся к следующему ряду:

1. Идея Дома, став своеобразным смысловым узлом художественного мира Мандельштама, нашла свое отражение на всем протяжении творчества. Эту идею можно назвать той доминантой, которая определяла направление эстетико-философской мысли и организовывала жизнь поэта, вела его по дорогам судьбы. При этом

употребление термина «идея» более правомерно и отвечает предмету исследования.

2. Особенность мира Мандельштама заключается в оригинальности осмысления художественных и философских принципов акмеизма. Поэтом руководила не общеэстетическая, а глубоко личностная установка на принятие «трех измерений пространства» как Дома, «богом данного дворца». Этот воспринимаемый на идейном уровне Дом реализовался для Мандельштама в отказе от статики во всех ее проявлениях, в отношении к языку, культуре, творчеству, христианской этике, гуманизму.
3. Идея Дома и связанные с нею понятия «домашность», «одомашнивание», «домовитость», «семейственность», «забота» и т.д. играют в творчестве автора основополагающую роль. Их семантическая насыщенность, их образное воплощение заставляют по-новому взглянуть на творчество Мандельштама и пересмотреть ставшие в мандельштамоведении традиционными точки зрения, «общие места».
4. Идея Дома нашла свое воплощение в системе сквозных, взаимосвязанных и взаимодействующих художественных образов, обусловленных диалектикой миропонимания автора. Такими образами стали у Мандельштама *птичий дом (скворечники и голубятни), трамвай, изба, порог, дым, шуба*, а также «люди-дома».

Практическая значимость диссертационной работы заключается в том, что ее выводы могут использоваться в вузовских лекционных курсах по истории русской литературы XX века, в школьном преподавании, а также в процессе проведения курсов повышения квалификации учителей-словесников. Основные положения диссертационного исследования могут быть применены при разработке программ спецкурсов и семинаров по лирике Серебряного века, поэтике акмеизма и в частности по творчеству Осипа Мандельштама.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на международных, всероссийских и региональных научных

конференциях, проходивших в Даугавпилсе (Латвия, 2006), Пушкинских Горах (2005), Самаре (2005), Владимире (2005), Нижнем Новгороде (2003, 2004, 2005, 2006), Москве (2007), Воронеже (2007). С отдельными аспектами работы автор выступил на заседании Мандельштамовского общества (Москва, РГГУ, 2004). По теме диссертации опубликовано 8 работ.

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 311 наименований.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность выбранной темы диссертации, раскрывается степень ее разработанности, определяется объект и предмет исследования, его цели и задачи, методологическая основа, аргументируется научная новизна исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, раскрывается практическая значимость диссертации.

Во вступлении *к первой главе «Дом как идея в творчестве Осипа Мандельштама»* рассматриваются основные причины, по которым изначальное ощущение дисгармонии в семье, «неимения» дома оборачивается для Осипа Мандельштама бесконечными попытками его обретения. Кроме семейно-бытовой неустроенности, лишившей юного Мандельштама домашнего уюта, было еще одно немаловажное обстоятельство, мешавшее не только взаимопониманию в семье, но и собственно самоопределению Мандельштама, – родительская речь. Общий для всех язык как организующее начало в семье отсутствовал, и для Мандельштама, уделявшего впоследствии столь важное значение языку, подобная ситуация была тягостна. Любое соприкосновение с миром родственников и иудейской культурой описывается им крайне отрицательно («Шум времени»).

Поэт, слишком рано осознавший, что дом для него еще не построен, относился к окружающим его вещам по-особому, «преображая их в поэзию по мере исчезновения».¹ Дом переставал быть пространственной, материальной

¹ Иванова Н. Квартирный вопрос // Знамя, 1995, № 10, С. 207.

категорией, превращаясь в категорию сознания, попадая в мир идей. С самых первых стихотворений Мандельштам предстает перед читателем как «поэт онтологического склада, мучительно размышляющий над тайной бытия».¹ Эта онтологическая направленность, обеспечившая Мандельштаму статус поэта-философа, сохранится на всем протяжении его творчества.

В *параграфе 1.1.* данной главы обосновывается предпочтительность использования термина «идея» в данной диссертационной работе наряду с философскими и литературоведческими терминами «концепт», «понятие», «тема», «мотив», «образ», не отвечающими поставленным перед исследователем задачам.

«Идея» (от греч. *idea* - идея, понятие, первообраз, представление) имеет долгую историю. Что касается сферы искусства (и литературы в частности), то в XIX и в XX веках об идее говорилось как о «сфере авторской субъективности, как о *выраженном* в произведении комплексе мыслей и чувств, принадлежащих его создателю».² Художественная идея, присутствующая в произведении, «включает в себя и направленную интерпретацию и оценку автором определенных жизненных явлений, и воплощение философического взгляда на мир в его целостности, которое сопряжено с духовным самораскрытием автора...».³ В художественном произведении автор дает о себе знать прежде всего как носитель того или иного представления о реальности. Это представление и определяет принципиальную значимость в составе искусства его идейно-смысловой стороны, его идеи. По представляющемуся нам справедливым высказыванию В.А. Грехнева, «художественная идея неповторимо конкретна», поэтому «идея в искусстве – нечто принципиально иное, чем идея в науке и философии: это не столько суждение о мире, сколько сила, созидающая художественный мир, уже у истоков своих слившаяся с эмоцией, волей и созерцанием, не выразимая ни в каких самых утонченных умозаключениях».⁴ А это означает, что идея является

¹ Кихней Л.Г. Осип Мандельштам. Бытие слова. - М.: Диалог-МГУ, 2000, С. 5-6.

² Хализев В.Е. Теория литературы. Учеб. 2-е изд. – М.: Высш. школа, 2000, С. 56.

³ Там же, С. 56-57.

⁴ Грехнев В.А. Словесный образ и литературное произведение: Книга для учителя. – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997, С.115.

для произведения (или шире – всего творчества автора) «жизнедеятельным принципом».¹

П.Сорокин понимал под идеей или принципом, интегрирующим культуру в единое целое, высшую ценность этой культуры.² Называя идею «доминантой духа», В.Н.Сагатовский в книге «Русская идея: продолжим ли прерванный путь?» опирается на слова Ф.М.Достоевского о невозможности существования человека или нации без высшей идеи. Эта идея – духовная основа, «сердцевиной которой является определенная система ценностей».³ В идеале ключевая ценность и цель конкретизируются на основе знания «принципиальных возможностей эпохи, в которую реализуется идея», то есть непосредственно способов деятельности, ее реализации. Именно поэтому идеи и идеалы не достигают полной реализации. Ценности служат ориентирами, но скидка на «здесь и сейчас» мешает двигаться по избранному пути. «Идея и идеал дают нормы на качественном уровне, они невыразимы в «системе показателей»». Там, где начинаются подсчеты, проекты и планы человек попадает в сферу цивилизации. Идея, согласующиеся с ней принципы и идеалы относятся к культуре.⁴

Итак, по нашему убеждению, наиболее отражающим суть исследуемой проблемы является термин «идея». Представление о доме как основополагающей ценности в творчестве Осипа Мандельштама наиболее полно отражает специфику мировоззрения автора, его понимание искусства, его философию творчества, его определение онтологии человека («места человека во вселенной»).

Поскольку художественная идея - это главная мысль, лежащая в основе художественного произведения или всего творчества, она реализуется через всю систему образов, раскрывается во всей художественной структуре произведения и таким образом дает представление об авторском отношении к изображенному. Воплощением идеи Дома в творчестве Мандельштама станут многочисленные, взаимосвязанные художественные образы.

¹ Грехнев В.А. Словесный образ и литературное произведение: Книга для учителя. – Нижний Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 1997, С.110.

² Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: 1992, С. 429.

³ Сагатовский В.Н. Русская идея: продолжим ли прерванный путь? Серия: Россия накануне XXI века. Выпуск 2. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис». 1994, С. 22.

⁴ Там же, С. 30-31.

В *параграфе 1.2.* рассматривается культурософия О. Мандельштама, основанная на идее бытийственности слова и глубинной «семейственности» культуры, домашности поэтического творчества. Единый христианско-иудейский мир скрещивается у Мандельштама с эллинской культурой, и в этом объединении Мандельштам видит Средиземноморье, к которому всегда стремился, которое считал источником всей европейской мысли. По утверждению вдовы поэта, Мандельштам везде и повсюду искал и стремился находить преемственность, без которой немислимо ни одно событие. Прежде всего эти поиски были обращены к человеческой культуре как хранительнице мудрости: «Убеждение, что культура преемственна, как благодать, и что без нее вообще нет истории, привело к тому, что у О. Мандельштама была своя святая земля: Средиземноморье».¹ В это духовно-географическое пространство поэт включал не только страны средиземноморского бассейна, но Крым и Закавказские страны, отдавая дань любви и уважения первым христианским государствам – Армении и Грузии.

Идея синтеза вероучений, культур, идея объединяющего человечество культурного универсализма станет для Мандельштама магистральной, и даже в самых сложных периоды жизни, во время исторически обусловленной «неуместности» этой идеи поэт вновь и вновь будет к ней возвращаться (особенно в лирике 30-х годов, в «Воронежских тетрадах»).

По глубокому убеждению Мандельштама, для творца, для мастера сутью любого творчества является «пребывание» в нем, как в доме, то есть уютное, спокойное, уверенное и оправданное (в смысле мандельштамовского «сознания своей правоты», сформулированного в статье «О собеседнике») состояние. Искусство слова, язык, литература, поэзия - способны преобразовать мир, согреть его, сделать близким и домашним. В концепции Мандельштама искусство слова равнозначно понятию «дома». Его сутью является обращение и возвращение к родным истокам, к первоосновам, к единству, семейственности, родственности. Это постоянное узнавание, оживление прошедшего как будущего. В статье «Слово и культура» он напишет, что подобное узнавание является «свойством всякой поэзии, поскольку она классична. Она воспринимается как то, что должно

¹ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. – М.: Книга, 1989, С. 240.

быть, а не как то, что уже было». А значит – это бесконечное повторение на новом витке, «сплошная цитата и кавычки». Именно поэтому филология – это семья, а «всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках» («О природе слова»)¹.

Параграф 1.3. посвящен ключевому представлению Мандельштама о движении, странничестве как залоге творчества. Дорога, путь являются структурообразующими образами в художественной системе Мандельштама. Представление о поэтическом мастерстве как бесконечном движении и развитии определило творческую и жизненную судьбу Осипа Мандельштама. Обретение дома в пути, осознание возможности лишь динамичного бытия – вот внутренний стержень жизни и творчества поэта.

Поскольку вся полнота бытия ощущается лишь в движении, творчество как наивысшее проявление бытия художника не терпит статики. Подметки, «воловы подошвы» Дантовых сандалий, стертые во время хождения-сочинения «Божественной комедии», - вот свидетельство истинного творчества. Поэтическое слово, образ способны разворачиваться в разные направления, каждое из которых становится путем постижения его семантики: «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку. Произнося «солнце», мы совершаем как бы огромное путешествие, к которому настолько привыкли, что едем во сне. Поэзия тем и отличается от автоматической речи, что будит нас и встряхивает на середине слова. Тогда оно оказывается гораздо длиннее, чем мы думали, и мы припоминаем, что говорить – значит всегда находится в дороге» («Разговор о Данте»)². Кожаные подметки Данте, стертые на «козьих тропах Италии», с любовью и преданностью принятые Мандельштамом, станут его изношенными на улицах Тифлиса «башмаками», о которых поэт неожиданно вспомнит в 1937 году в Воронеже («Еще он помнит башмаков износ...»).

Нравственно-этической категории «заботы» как основополагающему принципу бытия и всемирного взаимодействия посвящен **параграф 1.4.** Только

¹ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в четырех томах / Под. ред. Г.П.Струве и Б.А. Филиппова. Т. II. – М.: TERRA, 1991, С. 249.

² Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в четырех томах, С. 374-375.

забота (об отдельном человеке или человечестве, населяющем земной шар) может стать спасением в эпоху исторической катастрофы.

Слово «забота» и перечисление действий, в нее включаемых, неразрывно связаны у Мандельштама с «домашностью», о чем в 1923 году в статье «Гуманизм и современность» он напишет: «Откажитесь от социальной структуры, и рухнет самая простая для всех несомненная и нужная постройка, рухнет дом человека, человеческое жильё».¹ Для Мандельштама – акмеиста и гуманиста – очевидной является организация мирового хозяйства на принципе «всемирной домашности», когда пламя индивидуального очага раздуется до масштаба вселенского пламени и человечество будет жить для человека, а не за счет него. Говоря о ценностях гуманизма, Мандельштам ставит во главу угла человеческий дом, устойчивость которого зависит от «социальной архитектуры, измеряющейся масштабами человека». Нивелирование личности, стирание человеческого достоинства неминуемо приводят к краху его жилья. Бездомность, взятая во всемирном, всечеловеческом масштабе, может быть предотвращена лишь заботой и уходом за мировым домом и человеком. Земля как дом и общее для всех мировое хозяйство, обогреваемое единым источником, – очагом, свечой, серной спичкой – такова идея Осипа Мандельштама. Забота как сохранение и согревание, как творение жизни и ее спасение – залог человеческого бытия.

Мандельштам, любивший свою жену «невероятно, неправдоподобно»², в своих удивительных письмах к ней называл себя «нянем», который готов всегда «нянчить», заботиться, «по-настоящему беречь, баловать».³ Заключая в своем близком человеке «все родное и вечное», поэт писал жене в 1930 году: «Держаться, держаться за это милое, за бессмертное до последнего дыхания. Не отдавать никому ни за что». Все, что дорого и хрупко, что равнозначно жизни, Мандельштам будет называть «милым» и «нежным». Чтобы почувствовать бессмертность жизни, нужно понять ее хрупкость, чтобы уметь жить, нужно познать смерть, чтобы дышать полной грудью, нужно испытать удушье – именно

¹ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в четырех томах / Под. ред. Г.П.Струве и Б.А. Филиппова. Т. II. – М.: TERRA, 1991, С. 353.

² Ахматова А.А. Листки из дневника // Ахматова А.А. Сочинения в двух томах. Том II. – М.: Правда, 1990, С. 161.

³ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. Письма. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997.

так познает Мандельштам мир. При этом отношение к окружающему миру как к дому, забота о нем – единственно возможные принципы жизнедеятельности.

Во второй главе «Развитие идеи дома в творчестве Осипа Мандельштама: хронологический аспект» последовательно рассматриваются основные периоды творчества исследуемого автора, в которых появляются образы различных жилых пространств. Эти пространства становятся в художественном мире Мандельштама «домами» или «антидомами» в зависимости от их внутренних характеристик.

Параграф 2.1. посвящен творчеству Осипа Мандельштама до 1925 года. Именно в период «Камня» в стихи Мандельштама впервые войдет образ **комнаты** (тенденция продлится в стихах «Tristia» и позднее). Именно в этот период здания, внутренние пространства домов, комнат будут характеризоваться Мандельштамом через их атмосферу, воздух, запах, тепло – признаки «домашнего», своего, обжитого пространства, приобщенного к человеку.

Все, что связано с бытом, окружающим, приобщенным к человеку пространством, является для Мандельштама священным. И в этом священном пространстве время останавливается в некой наивысшей точке. Так, в стихотворении «Золотистого меда струя...» все описанные действия и передвижения, «от чаепития и прогулки по саду до странствий Одиссея» успели произойти, пока мед «тягуче и долго» вытекал из бутылки. В этом стихотворении «не только предметы, но и обволакивающая их атмосфера неторопливого и весомого спокойствия, человеческого действия – даны как бы слегка сакрализованными, именно в духе мандельштамовской концепции эллинизма».¹ Там, где действует человек, там, где он проявляет себя, где осуществляется его бытие, для Мандельштама творится жизнь, а жизнь неразрывно связана у него с идеей Дома, с заботой, с «заговором против пустоты и небытия» («Утро акмеизма»). Домо- и жизнестроительство – даже если они осуществляются в снимаемой комнате – единственно возможное и наивысшее для человека проявление бытия.

¹ Левин Ю.И. Заметки о «крымско-эллинических» стихах О.Мандельштама // Мандельштам и античность. Сборник статей под ред. О.А. Лекманова. – М.: «Радикс», 1995, С. 81-82.

Новые стихи 1930-1934 гг. рассматриваются в *параграфе 2.2*. В этот период происходит дальнейшее развитие образов и усиление настроений стихов 20-х годов. Если **комнаты** преобладали у Мандельштама до периода поэтической немоты, то с начала 30-х годов возникает слово «**квартира**», которое встречается у Мандельштама достаточно редко и несет, как правило, негативную смысловую нагрузку. Прежде всего, это стихотворение «Квартира тиха, как бумага...» (1933). В новых стихах начала 30-х годов звучит мучительная борьба за чувство свободы, лирика этого периода «погранична», балансирование на краю максимально. «Куда как страшно нам с тобой...» (1930) – этим обращением к самому себе откроется новый поэтический период Мандельштама. Атмосфера страха, неправды, угрожающего небытия и смерти побуждает искать хотя бы временный приют, однако практически все «углы» Мандельштама становятся гнетущими «антидомами».

В *параграфе 2.3*. автор диссертационного исследования обращается к воронежской лирике Мандельштама, в которой вынужденная оседлость, прикованность к месту заточения побуждают на поиски собственного места в мире, на самоопределение. Во время воронежской ссылки (июнь 1934 – май 1937 гг.) вопрос о месте жительства, о доме словно отпал сам собой. Все снимаемые комнаты в этот период были лишь прибежищами, ночлегом. Можно предположить, что Мандельштам, задолго до ареста и ссылки писавший брату Евгению и отцу о том, что мечтает о квартире «из 2-3 комнат», что ему «хочется жить настоящим домом» и его «утомляет комнатная жизнь»,¹ теперь окончательно откажется от этих стремлений. Но дело в том, что если до воронежской ссылки поэт еще соединял носимую им сакральную идею Дома и стремление обрести постоянное жильё, то Воронеж окончательно развел эти два движения души. И чем неотвратимей Мандельштам будет терять последние возможности закрепиться в жизни, чем бездомнее и бесправнее он будет становиться, тем яснее и полнее будет воплощаться в его творчестве идея Дома. Именно в лирике периода ссылки Дом как идея окончательно оформится и утвердится.

¹ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 4. Письма. – М.: Арт-Бизнес-Центр, 1997, С. 30, 31.

Весь «Воронежский цикл», вплоть до начала 1937 года - это мучительный противоречивый процесс самоопределения, нахождения опоры, пусть вынужденной, но необходимой. Сжиться с землей, ощущаемой домом, - значит почувствовать себя дома. Земля станет постоянной темой стихов поэта.

Безнадежные равнины, на которых не на чем зацепиться глазу, перед которыми встаешь один на один (с «нищенкой-подругой») будут навсегда и безоговорочно приняты Мандельштамом как то, что суждено судьбой, как великое чудо. Перед глазами будет «утюжиться, плоится без морщин// Равнины дышащее чудо» («В лицо морозу я гляжу один...»). Признание неповторимой уникальности, а следовательно, бесценности каждой человеческой жизни, являющееся для Мандельштама приоритетным на всем протяжении творчества, будет звучать в воронежских стихах с новой силой.

Поэзия как дар высшей любви, как дарованное сознание правоты становится связующими «узлами с обществом людей и ответственностью за сохранение жизни на земле»,¹ которая и есть «раздвижной и прижизненный дом», «наполненный музыкой дом» человека, стоящего на пороге «будущего» и «вечности».

В случае О.Мандельштама воронежские стихи 1937 года можно было бы назвать творческим итогом, наивысшей точкой развития идеи Дома, если бы не дальнейшие трагические события его биографии, утраченные стихи и т.д., что дает основание говорить об открытом характере его творчества. Его незавершенность, оборванность на полуслове – трагедия и одновременно достояние отечественной и мировой культуры.

Третья глава диссертации *«Воплощение идеи дома в творчестве Осипа Мандельштама: образная структура»* посвящена анализу ключевых образов, являющиеся воплощением идеи Дома в творчестве Осипа Мандельштама.

Параграф 3.1. представляет собой исследование образа *птичьего дома* у Мандельштама. Впервые голубятни «падают» в лирику Мандельштама в 1914 году (стихотворение «На луне не растет...»), а потом будут возникать в ряде

¹ Глазова М. Мандельштам и Данте: «Божественная комедия» в поэзии Мандельштама тридцатых годов // «Сохрани мою речь...». Вып. 3. Часть 1. / Сост. О. Лекманов, П. Нерлер, М. Соколова, Ю. Фрейдин. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000, С. 86.

стихотворений 20-30-х годов, неся значение легкости, беззаботности, оторванности от «трезвой обыденности». В 1920 году написано стихотворение «За то, что я руки твои не сумел удержать...», где впервые возникает образ скворечника, наполненный глубокой домашней, семейной семантикой. В прозе «Холодное лето» (1923) происходит перенос значения на основе тождества – после высокого «Приамова скворешника» и «дворца-скворешника с высоким потолком» («Сыновья Аймона») становятся «скворешниками» и высокие соборы московского Кремля. Значение «домашности» и «семейственности» здесь не пропадает, если считать московский кремль сердцевинной столицы, центром всей страны. Однако в значительно более позднем стихотворении «Сегодня можно снять декалькомани...» (1931) этот образ «скворешников Кремля» соединяется с вновь появившимся образом голубятен - теперь уже кремлевских соборов: «...Какая прелесть// Фисташковые эти голубятни: // Хоть проса им насыпать, хоть овса...». Здесь впервые, хотя в разное время и в разных текстах, происходит объединение двух образов – соборы московского Кремля уподобляются голубятням и скворечникам. К образу голубятен-домов в 1916-1923 годах добавились голубятни соборов, а в случае с соборами московского Кремля произошло объединение образов голубятен и скворечников, до этого связанных у Мандельштама с дворцами-домами. В дальнейшем образ скворечника окажется связанным у поэта с образом трамвая.

В прозе «Египетская марка» (1928) скворцы и скворечни оказываются близкими с темой творчества, в частности, музыки и выступают у Мандельштама метафорой легкости. А в стихотворении «Заблудился я в небе – что делать?..» (1937), во втором его варианте, в первый и последний раз объединятся, встав в одной строке, интересующие нас образы голубятен и скворечников.

Скворечники и голубятни, «построенные» Мандельштамом, наиболее полно, на наш взгляд, выражают идею писателя о Доме, как обжитом пространстве между небом и землей, вечной вертикали, не дающей человеку потеряться на земле и утратить связь с небом.

В этом же параграфе рассматривается образ *трамвая*, оказывающийся у Мандельштама воплощением идеи Дома. Последовательное изучение развития

этого образа в творчестве Мандельштама позволило сделать вывод о семантической близости образов трамвая и птичьего дома. Очевидно, что одна из важнейших функций трамвая – это передвижное убежище, дом на колесах, спасительный приют. Его «бестолковое, последнее трамвайное тепло» на какие-то мгновения спасает человека. Если образы скворечников и голубятен выступают у поэта как обладающие безусловно положительной семантикой, то образ трамвая внутренне амбивалентен.

Рассмотрению образов *порога, избы и дыма*, обладающих большой значимостью в творчестве Мандельштама, посвящен **параграф 3.2.** диссертации. В художественном мире Мандельштама ключевым является описание пограничного, переходного момента, связанного с образом порога или иной границы жилого пространства (ворота, дверь). Эта пограничность, переходность может проявляться на нескольких смысловых уровнях – от реальной невозможности совершить действие (переступить через порог, зайти или выйти) до осознания невозможности достигнуть результата, внутренней безвыходности, отчаяния, потерянности. Являющийся традиционным атрибутом жилого пространства, порог у Мандельштама связан, прежде всего, с мотивом невозможности движения или невозможности изменить жизненную ситуацию. Кроме того, порог становится выражением антиномии жизнь-смерть.

Во многом близким образу порога оказывается у Мандельштама образ *избы*. В стихотворении 1922 года «Кому зима – арак и пунш голубоглазый...» изба называется «избушкой дымной». Безусловно, это «положительное», уютное пространство, хотя и окрашенное грустными нотами. Образный ряд этого стихотворения является иллюстрацией теории «домашнего эллинизма». Появившись в творчестве Мандельштама в 20-х годах, образ избы стал прямым выражением стремления к быто- и мироустройству, налаживанием жизни. Изба как пространство жизни может быть основана на правде и свободном выборе, или же в ее основу кладется неправда, «великая мура» истории. В таком случае из жилого пространства она превращается в тюрьму и ведет к смерти, становится домом-гробом («Я с дымящей лучиной вхожу...»).

Пар от человеческого дыхания столь же жизнеутверждающ, как и дым, курящийся над человеческим жилищем. В прозе Мандельштама этот образ появится, прежде всего, в очерке 1922 года «Батум», где воздух в городе будет казаться «парным, комнатным». Можно сделать вывод о связи присутствия в жилом помещении ощутимой атмосферы и образа дыма/пара от дыхания, относящегося к пространству вне человеческого жилья. Именно этот насыщенный значением образ несет у Мандельштама объединяющую функцию, «одомашнивает» внешний мир, делая его близким человеку. Являясь носителем подчеркнуто домашней семантики, дым упоминается самим поэтом и как одно из тех «качеств своей поэзии, за которые она достойна памяти».¹ «Привкус несчастья и дыма» («Сохрани мою речь навсегда...») – это носимая Мандельштамом идея хрупкости жизненного уклада, его сокровенная мысль о необходимости противостоять разрушительному хаосу эпохи, его убежденность и вера, воплотившаяся в слове.

В *параграфе 3.3.* рассматриваются образы «людей-домов», также ставшие воплощением мандельштамовской идеи Дома.

Целый ряд подобных образов возникает в прозе 1925 года «Шум времени», которую автор диссертационного исследования считает возможным рассматривать как галерею подобных героев-образов. Словно стремясь найти противовес разрушенному семейному укладу, «антидому», «хаосу иудейскому» первых глав этой прозы (особенно «Бунты и француженки», «Книжный шкаф», «Хаос иудейский», «Комиссаржевская»), автор рисует домашние, уютные личности, с которыми сводила его судьба.

Носителями «дома в себе» станут и литераторы, осознающие родственную близость литературы и обладающие «литературной злостью». Несколькими годами ранее в статье «О природе слова» (1922) Мандельштам назовет В. Розанова «представителем домашнего юродствующего и нищенствующего эллинизма» и, разделяя литературу и филологию, объявит вторую «домашним явлением». И. Анненский же станет для него «представителем эллинизма

¹ Марголина С.М. Мироззрение Осипа Мандельштама. Blaue Hörner Verlag Bernd E. Scholz Marburg / Lahn, 1989, С. 177.

героического, филологии воинствующей».¹ Именно в этих «домочадцах литературы», в В. Розанове в большей степени, воплотится сокровенная мандельштамовская идея представления словесного искусства как Дома, «семьи», личного дела.

В этом же параграфе уделяется внимание образу *шубы*. Шуба становится у поэта любопытным пространственным образом. Пространство, обладающее способностью менять свои границы, сужаться или расширяться, быть «своим», домашним по отношению к человеку, или же «чужым», чуждым, отталкивающим и страшным, приняло в творчестве Мандельштама форму шубы. Одноименная автобиографическая проза 1922 года посвящена именно описанию этого «дома» на плечах, заключенного в одной вещи. Вселенная, способная в мире Мандельштама сужаться до «бирюзовой вуали», до комнаты, до очага и крынки с молоком, приобретает форму шубы. Однако, как всегда у Мандельштама, парадоксальным образом эта огромная шуба-дом не дает ему покоя. С одной стороны, шуба станет у Мандельштама неотъемлемым «атрибутом» героев – носителей Идеи дома, с другой – названная «домом» («Шуба»), она постепенно теряет свою положительную, «домашнюю» семантику.

Шуба как дом, как пристанище, укрытие и защита – от зимнего мороза, государства или «писательского отродья» – станет довольно устойчивым семантически насыщенным образом в творчестве Мандельштама 20-х – 30-х годов.

В *заключении* диссертации подводятся общие итоги и намечаются перспективы дальнейшего исследования.

Идея Дома, став своеобразным смысловым узлом художественного мира поэта, определила направление эстетико-философской мысли, организовала его быт и бытие.

Мандельштам ощущал общность иудейско-христианского мира, скрестившегося с эллинской культурой. Это духовное, культурное и географическое пространство всегда питало и притягивало его, было его

¹ Мандельштам О.Э. Собрание сочинений в четырех томах / Под. ред. Г.П.Струве и Б.А. Филиппова. Т. II. – М.: TERRA, 1991, С. 252-253.

духовным началом и Домом, Средиземноморьем, ставшим источником всей европейской культуры.

Называя филологию «семьей», Мандельштам тем самым провозглашает ее безусловную «домашность», интимность. Мандельштамовская философия «домашнего эллинизма» («О природе слова») провозглашает язык единственной ценностью, приобщение к которой и сохранение которой способны удержать страну от краха.

Утвердившийся в своем бродяжничестве и изгойстве, Мандельштам хотел верить, что они не навсегда. Идея возвращения, идея конечного обретения Дома – вот то основное, что поддерживало поэта во всех жизненных катаклизмах и трагедиях. Другое дело, что Дом этот не был определен пространственно, не был закреплен в каких-то рамках. Это был Дом как язык, Дом как творчество, Дом как культура, Дом как духовность, христианская этика. Приобщиться, сжиться с духовными ценностями человечества – значит обрести свой Дом.

Безусловно, в творчестве Мандельштама возникают те или иные образы жилых пространств, городов, зданий, квартир, комнат, углов. Все они становятся домом или антидомом для поэта в зависимости от их «наполнения», от царящей в них атмосферы. Даже воздух в снимаемой чужой комнате, если только он наполнен человеческим дыханием, человеческой жизнью может сделать эту комнату настоящим домом. В этом проявляется близкая Мандельштаму позиция В.Розанова с его идеалом «частной жизни» и душой-«комнатой», в которую впускается «светлый гость» - воспоминание «о добром поступке, о ласковом отношении».¹

Воплощением идеи Дома становятся для Мандельштама скворечники и голубятни. Городской трамвай может заключать в себе последнее спасительное тепло в ледяном мраке тяжелых времен. Идея Дома воплощается и в мандельштамовских «людях-домах», в образе избы, дыма, порога.

¹ Розанов В.В. Опавшие листья: Лирико-философские записки / Сост., вступ. ст. А.В. Гулыги. – М.: Современник, 1992, С. 88.

Культивирование «заботы», «домовитости и хозяйственности» вообще свойственно творчеству Осипа Мандельштама. Слова «домашний», «домашность», «домовитость» очень часто им употребляются.

Выводы, полученные в результате исследования, а также некоторые положения методологического порядка, изложенные во введении, открывают перспективу дальнейшего изучения творчества Осипа Мандельштама по двум основным направлениям. Во-первых, целесообразным представляется использование при дальнейшей работе непосредственно мандельштамовского «теоретического аппарата», выработанного в его работах о поэтике. Во-вторых, разработанная в диссертации тема может быть более подробно рассмотрена уже в соотнесении с творческими системами других авторов. В частности, исследовательский интерес представляет близость Василия Розанова и Осипа Мандельштама на уровне идей и поэтики.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Медвидь М.В. Быт, бытие и вечность в воронежской лирике Осипа Мандельштама / М.В. Медвидь // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. № 1. – Кострома: Издательство Костромского госуниверситета, 2007. – С. 154-159.
2. Медвидь М.В. К мотиву «дома и бездомья» в творчестве Осипа Мандельштама / М.В. Медвидь // IX нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: Тезисы докладов. – Н.Новгород, Изд. Гладкова О.В., 2005. - С. 155-157.
3. Медвидь М.В. К мотиву «дома и бездомья» в творчестве Осипа Мандельштама / М.В. Медвидь // Грехневские чтения: Сборник научных трудов. – Нижний Новгород, 2005. – С. 178-182.
4. Медвидь М.В. Скворечники и голубятни (Птичий дом в творчестве Осипа Мандельштама) / М.В. Медвидь // Художественный текст и культура VI. Материалы международной научной конференции 6-7 октября 2005 г. –

Владимир: Владимирский государственный педагогический университет, 2006.
– С. 149-155.

5. Медвидь М.В. «... на дому у самой литературы» (Понятие «дома» в контексте эстетико-философских представлений О.Мандельштама) / М.В. Медвидь // Грехневские чтения: сборник научных трудов. – Вып. 3.- Нижний Новгород, 2006. –С. 23-27.
6. Медвидь М.В. Дом как духовная ценность в творчестве О.Мандельштама / М.В. Медвидь // Православие и гуманитарное знание: XV Рождественские православно-философские чтения. – Н.Новгород: Нижегородский гуманитарный центр, 2006. – С. 185-188.
7. Медвидь М.В. Идея дома в творчестве Осипа Мандельштама / М.В. Медвидь // XI нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: Тезисы докладов. – Н.Новгород: Изд. Гладкова О.В., 2007. – С. 128-129.
8. Медвидь М.В. Человек как воплощение идеи дома в творчестве Осипа Мандельштама. Галерея «людей-домов» в «Шуме времени» / М.В. Медвидь // Грехневские чтения. Выпуск IV: Сборник. – Н.Новгород: Изд-во Николаева Ю.А., 2007. – С. 114-120.